Третий не лишний

Автор:
Валентина Шабалина

Третий не лишний

Валентина Шабалина

Пьеса состоит из пяти картин. Это пять дней из жизни мужчины, женщины и собаки.

Валентина Шабалина

Третий не лишний

(Одноактная пьеса в пяти картинах)

(Несколько дней из жизни мужчины, женщины и собаки)

Действующие лица:

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ – пенсионер, 70 лет.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА – жена Николая Макаровича, 68 лет.

МУХТАР – он же ШАРИК, беспородный пес. (Кукла-марионетка.)

Картина 1

Скромно обставленная комната одноэтажного дома. В углу в кадке фикус, на двух окнах цветущие цветы. Слева и справа две кровати, застланные светлыми покрывалами, на подушках кружевные накидки. Рядом с фикусом стоит швейная машинка и старое кресло, в котором сидит Екатерина Романовна и что-то вяжет. У окна примостился на табурете Николай Макарович, нацепив на нос очки, он читает газету. Сбоку небольшая кухня, соединенная с комнатой открытым проёмом. В кухне дверь, ведущая на улицу.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ (раздраженно). Ну, что это за очки, Катя? Как ты в них читаешь? Ничего же не видно!

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Так я и не читаю, мне они нужны, пуговицу пришить, или нитку в иголку вдеть. А ты, Коленька, сходи к глазному врачу, он тебе какие надо очки выпишет. И видеть будешь хорошо.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Я по врачам не бегаю!

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Упрямый ты у меня.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Так вчера-то я хорошо в твоих очках видел! А сегодня, почему плохо?

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Вчера ты в других очках читал. В этих вот. (Достает из кармана юбки футляр, открывает и подает мужу очки.) На-ка.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Ну, вот, другое дело! А эти что здесь делают, если в них даже читать нельзя?

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Это старые очки. Зрение-то опять испортилось, так я новые очки купила.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Значит, старые выбросить надо, чтоб под рукой не мешались!

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Что же их выбрасывать? Хорошие очки, может ещё пригодятся кому. Помнишь, мы их лет пять назад в городе покупали?

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ (читая газету). Не помню.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Ну, как же не помнишь? Мы тогда ещё с тобой кастрюлю новую купили в подарок Марине Павловне. Она её сильно хотела. Ты кастрюлю-то помнишь?

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ (удивленно, оторвавшись от газеты). Кастрюлю? Какую кастрюлю?.. Нет, не помню. (Снова уткнулся в газету.)

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА (вяжет и говорит). Как же не помнишь-то? Кастрюля дорогая была, с прозрачной крышкой, двести сорок рублей стоила. Красивая, но ужас, какая дорогая! Я бы себе такую дорогую не купила. А в подарок-то, отчего ж не купить, да ещё хорошему человеку? А себе я кофточку синенькую с вышивкой присмотрела в магазине, и в этой кофточке на юбилей-то и ходила к Марине Павловне. (Вздохнула и перекрестилась.) Царство ей Небесное! Семьдесят лет ей тогда исполнилось. Помнишь? Её дочь хороший стол сделала, всего на столе было. Да и то, в конторе ведь работает, деньги есть. Ой, наплясалась я тогда и напелась на всю оставшуюся жизнь! А тебе тогда в райцентре белую рубашку купили в полосочку и галстук. Ты ещё галстук не хотел на юбилей надевать. Помнишь ли? (Николай Макарович, не слыша, читает газету.) А Шарику новый ошейник взяли, он-то свой изгрыз весь. (Она встала и подошла к окну.) (Тревожно.) А что-то Шарика долго нет? С утра убежал, и всё нет. Слышишь, Николай Макарович?

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ (оторвавшись от газеты). А? Что?

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Шарика, говорю, что-то долго нет. С утра убежал, и всё нет.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Мухтар он.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Да какой он Мухтар! Шарик он и есть Шарик беспородный!

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. У Мухтара свои заботы. Набегается, прибежит. (Опять уткнулся в газету.)

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Набегается! Вдруг под машину попал? Машин-то сейчас вон, сколько развелось, по поселку пройти нельзя, так и норовят кого-нибудь задавить. А собака-то, что? Она же не понимает ни в машинах, ни в дорожный правилах. Как дитё малое! А у тебя, Коленька, никогда ни за кого даже сердце не заболит!

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Чего у меня сердце-то должно болеть за собаку? Первый раз убегает, что ли? Ему, наверное, болтовня твоя надоела, вот и сбежал.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Болтовня! Да я целыми днями молчу. С тобой разве поговоришь? Да если б не Шарик, я бы с тобой давно немой и глухой стала! Ты, кроме своих газет да новостей, ничего видеть и слышать не хочешь. Один Шарик и спасает!

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ (удивленно). Он по-русски не говорит, как же он тебя спасает?

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Он хоть меня слушает и не перебивает, не даёт русскую речь забыть!

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Ну, убежала собака по своим собачьим делам. Дело-то молодое, собачье: где-то по сучкам носится, а ты переживаешь!

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА (обиженно). По сучкам! (Присела на край кровати.) По сучкам! Вот умру я, ты тоже по сучкам побежишь! (Всхлипывает.)

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ (оторвавшись от газеты). По сучкам? По каким сучкам? Вместе с Шариком что ли?

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА (всхлипывая). По каким, по каким! А то ты не знаешь! Не прикидывайся дурачком-то. А кто к Зойке Свистуновой по молодости бегал?

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Вспомнила! Когда это было! Она уж умерла семь лет назад. А ты все угомониться, не можешь. Да и не бегал я к ней!

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Бегал! Мне Тонька Окунева все рассказала!

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Что рассказала? Ну, что она могла такое рассказать? Да я Зойке проводку чинил! Она мать одиночка была. Кто ей поможет? А я в этом деле понимал толк… А ты прибежала и устроила дебош. Зачем? Безвинную женщину опозорила! А Тонька твоя – балаболка!

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Опозорила! Безвинную! Что же она электрика не вызвала, а тебя пригласила?

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Электрику платить надо, а у неё тогда дети были малые: каждая копейка дорога.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА (скрестив руки на груди). Что так платить, что этак! Зойка, видишь ли, выбрала, что поинтереснее для неё! Электрику деньгами надо платить, а тебе…

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ (в сердцах). Тьфу, на вас всех! Бабы есть бабы! До сих пор угомониться не можете! Не было ничего у меня с Зойкой! И точка!

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Было! На старости лет мог бы и признаться. Я бы хоть померла со спокойной душой. (Смахивает со щеки слезу.) (Говорит про себя.) А так помру в неведении.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Не было!

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Ну да! Ты ж у нас бывший военный, оборону умеешь держать.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Не было! И ты, пожалуйста, живи, не умирай, а то мне в моём возрасте за Мухтаром не угнаться будет. Он вон насколько меня моложе и бегает резвее. (Берёт в руки другую газету, разворачивает.) А вот, когда я умру, ты можешь, по кобелям побегать, душу отвести. Я заранее разрешаю. (Уткнулся в газету.)

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА (подпрыгнув от неожиданности на кровати). Ах ты, кобель старый! Выдумал что! Да как у тебя язык-то повернулся такое сказать!

По кобелям побегать! Срамота! Да я сроду по кобелям не бегала! А с тобой, Николай Макарович, после таких слов я даже разговаривать не стану! Не стану! Вот те крест не стану! (Крестится на православный календарь, который висит на стене.)

Слышится, как под дверью скулит собака.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА (вскакивает с кровати). Прибежал, родной мой! Набегался!

Екатерина Романовна открывает входную дверь. В дверь влетает собака и с радостью бросается к ней.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Шарик мой! Хороший мой! (Гладит пса.) Ты, наверное, кушать хочешь? Проголодался. (Оглянувшись на Николая Макаровича, говорит псу.) Шарик, передай главному поселковому кобелю, что я пошла на кухню, готовить ужин.

Пес сел, и внимательно посмотрел на неё.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Передай, передай, вон тому с газетой! (Показывает рукой на мужа.)

Пёс виляет хвостом и бросается к Николаю Макаровичу.

Екатерина Романовна уходит на кухню.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ (гладит по голове пса). Набегался, Мухтар? Всех своих дам попроведовал?

МУХТАР. Гав!

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Молодец! Свое собачье добро никому не надо отдавать. А вот послушай-ка, что пишут. Что ещё мы не читали? Вот! (Читает газету.) «Генеральная прокуратура РФ возбудила уголовное дело на бывшего премьер-министра страны. Дело возбуждено по статье «причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием». В день своей отставки премьер-министр отдал распоряжение о приватизации через подставную фирму занимаемой им государственной дачи». (Говорит Мухтару.) Своего добра уже не хватает, государственное тянут! Та-ак…(Опять читает.) «Данная дача ранее принадлежала Михаилу Суслову и занимает около 12 га земли, её стоимость оценивается в 28 млн. долларов». Ого! Вот смотри, Мухтар, коммунистов ругают, на чём свет, а и демократы не далеко ушли. Я тебе так скажу, как не назови человека – красным или синим, а винтики у него внутри одни и те же остаются. Стержня в нём нет! С гнильцой человек! Вор, он хоть где вор! (Мухтар осуждающе рычит.) Правильно ты понял, Мухтар, верно! А это что? «Развод делает женщину счастливой, а мужчину – идиотом». Хм! Ну-ка, ну-ка, интересно. «Новое исследование британцев подтверждает, что у представительниц прекрасного пола после официального разрыва отношений с прежним возлюбленным, улучшается не только здоровье, но и душевное состояние». Ого! Это что за исследования такие? Почитаем дальше! «Исследователи опросили 3515 взрослых представителей обоих полов и обнаружили, что через два года после разрыва 47 процентов дам всё ещё не могли нарадоваться… (Николай Макарович оторвался от газеты, посмотрел в сторону кухни, прислушался и стал читать тише.)…Не могли нарадоваться своему освобождению из-под мужнина гнёта, а 31 процент из них были чрезвычайно счастливы». (Он сдвинул очки на нос и посмотрел на пса.) Ты что-нибудь понял, Мухтар? Вот и пойми баб после этого! Им бы плакать, что мужика потеряли, а у них здоровье улучшается! (Пёс неодобрительно ворчит.) «В тоже время мужчины после развода были склонны чувствовать грусть, опустошенность, а также переживать из-за того, что их так жестоко предали». (Он опять смотрит на пса.) Ты понял?… Недаром говорят, что женщины живучи как кошки! Нигде не пропадут! Даже в разводе! А у мужиков, получается, натура более душевная, тонко восприимчивая. А мы сделаем по-умному, мы не будем разводиться! Точно, Мухтар?

МУХТАР. Гав!

Из кухни доносится звон посуды.

Мухтар повернул голову к кухне и принюхался.

Николай Макарович тоже потянул носом воздух.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Мухтарка, ну-ка сходи в разведку, проверь, чем нас сегодня кормить будут, что-то вкусным запахло. А то со мной сегодня опять не разговаривают.

Мухтар идёт на кухню.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Что, Шарик? Кушать хочешь? Сейчас, сейчас… (Повернувшись в сторону комнаты, говорит громко и внятно.) А на обед у нас сегодня, Шарик, борщ и котлеты с макаронами! Что будешь, Шарик? То и другое?

МУХТАР. Гав!

Мухтар выходит из кухни и подходит к Николаю Макаровичу.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Ну, что там на первое?

МУХТАР. Гав!

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Борщ. Это хорошо. А на второе?

МУХТАР. Гав!

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. А на второе, говоришь, котлеты?

МУХТАР. Гав! Гав!

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Тоже хорошо. Молодец, разведчик! Что нужно сказать, когда тебя благодарят? Служу своему семейству!

МУХТАР. Гав, гав, гав!

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Вольно! Можешь быть свободным!

Мухтар убегает на кухню.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА (громко). Шарик, зови старшего кобеля кушать, а то я с ним не разговариваю!

Мухтар бросается в комнату, всем своим видом выражая нетерпение.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ (свернув газеты). Пошли, пошли, у самого желание горяченького борща похлебать! Не будем заставлять хозяйку ждать, разводиться же мы не собираемся.

Мухтар влетает на кухню и бросается к своей миске.

Николай Макарович задерживается около православного календаря,

который висит на стене, водит по нему пальцем.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ (громко). Мухтарка! А спроси у своей хозяйки, какое сегодня число?

Мухтар смотрит на Екатерину Романовну.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА (громко). Передай, Шарик, что с утра было – 19 июня! И если кое-кто не придёт сейчас обедать, я соберу посуду со стола! Пусть потом ест, где угодно!

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. О! Ишь, ты! Чуть не упустил! (Потирает руки.)

Мухтар подходит к Николаю Макаровичу и смотрит на него.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Понял! Уже иду!

Николай Макарович входит на кухню, и молча садится на своё место за столом. Екатерина Романовна также молча ставит перед ним тарелку с борщом. Наливает себе, и садится рядом с ним. Какое-то время едят, молча.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Вот ты со мной не разговариваешь, Катя, а ведь сегодня большой праздник.

Екатерина Романовна не отвечает. Едят, молча.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Могла бы в честь такого праздника, и бу.тылочку поставить.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. То, что Николин день сегодня, я и без тебя знаю. И то, что Святой Николай не употреблял спиртного, тоже знаю. Он не употреблял, и тебе не велел. Сиди, борщ ешь!

Николай Макарович обиделся, положил ложку, и отвернулся.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Конечно, святых ты всех помнишь! Где ж мне до них угнаться! А про своего мужа, как всегда забываешь. Да кто я для тебя? Кобель поселковый!

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА (в полном недоумении). Ты чего? Что случилось-то?

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. День рождения у меня сегодня. Вот, что случилось! Меня в честь Святого Николая и назвали. А то ты не знаешь! Не прикидывайся дурочкой-то!

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Погоди, Коленька! Ты же на зимнего Николу родился.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Да ты, что, Катя, всегда на летнего Николу справляю. Забыла, что ли?

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА. Ну, как же! Зимой ещё шурин из Балаганска приезжал, как раз на Николу. Вы с ним твой день рождения и праздновали. У меня ещё бутылочка беленькой припасена была для такого случая.

НИКОЛАЙ МАКАРОВИЧ. Путаешь ты всё! Приезжать-то, он приезжал, так ведь он привозил на продажу овечью шерсть и валенки, что сам катает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shabalina_valentina/tretiy-ne-lishniy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить